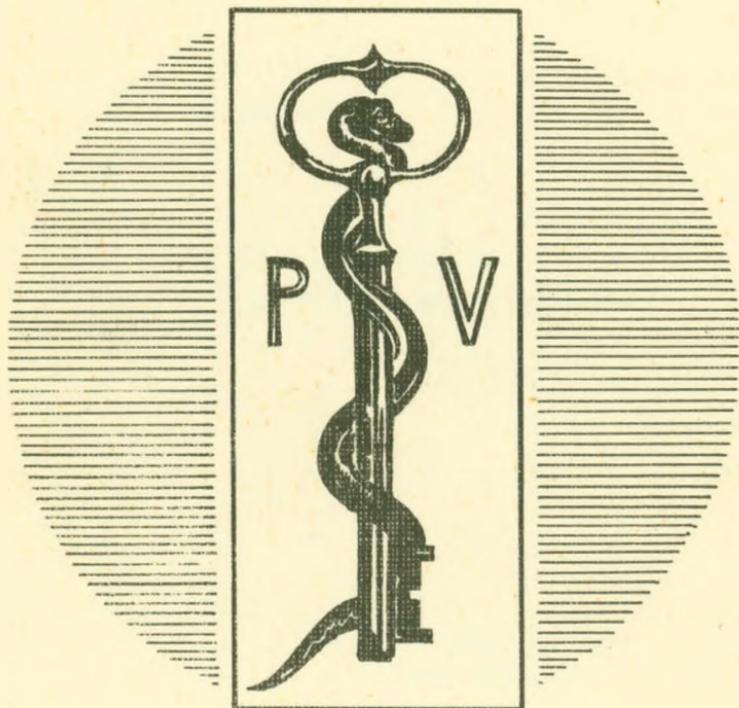


ПОЛЬ ВАЛЕРИ



ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Paul Valéry

Choix de poèmes

Поль Валери

**Избранные
стихотворения**

*Перевод с французского
Романа Дубровкина*

Москва
«Русский путь»
1992

ББК 84.4Фр
В15

*Составитель,
автор предисловия и переводов
Р.Дубровкин*

*Обложка С.Петрова
(использован рисунок П.Валери)*

Валери П.
В15 Избранные стихотворения: Составление, предисловие и перевод Р.М.Дубровкина. – М.: "Русский путь", 1992. – 82 с.

Поль Валери (1871–1945) – выдающийся французский поэт, литературный критик и мыслитель. В книгу включены лучшие образцы лирики Валери, а также такие известные поэмы, как "Юная Парка" и "Фрагменты Нарцисса", отличающиеся глубиной философского содержания и поэтическим совершенством.

Большая часть переводов на русском языке публикуется впервые.

*Издание осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Франции и
Посольства Франции в России*

ISBN 5-85887-001-5

© Составление, предисловие,
переводы Р.Дубровкин, 1992

«СТЕРТАЯ ПРЕЛЕСТЬ СТАРИНЫ»

«Мечталось ли тебе, о сестра с безвременным взором, что в стихах моих когда-нибудь появится строка «стёртая прелесть старины»?»

Этот вопрос Стефана Малларме я задаю себе всякий раз, когда в руки мне попадают пожелтевшие альманахи, книги, гравюры. И дело не только в склонности к древностям. В дореволюционных русских изданиях передо мной, переводчиком европейской поэзии прошлого, открывается весь мир. Возьмите наугад киевский «Чтец-декламатор» за какой-нибудь тринадцатый или шестнадцатый год и рядом с Брюсовым и ныне забытым С.Бобровым вы непременно встретите и Метерлинка, и Верхарна, и Эдгара По, и Оскара Уайльда. А теперь попытайтесь представить себе ту же картину в современном общероссийском ежемесячнике.

Зарубежная поэзия стала для большинства русскоязычных читателей системой условных знаков. Мы о многом слышаны, но мало в чём начитаны. Лучший пример тому – фигура Поля Валери. Для образованного человека на Западе – это блестящий эссеист, мыслитель, но прежде всего крупнейший французский поэт XX века. А для нас – автор нескольких стихотворений, писавший ещё и «об искусстве». Упоминание о Валери нетрудно встретить в наших публикациях по литературоведению, живописи, музыке, но кто, скажите, прочёл по-русски книгу его стихов? Впрочем, говоря словами Джорджа Оруэлла, «не стоит притворяться, что в столетие, подобное нашему, хорошая поэзия может быть по-настоящему популяр-

на. Она является и должна оставаться культом очень немногих людей как наименее терпимое из искусств.»

Я не случайно упоминул живопись. Живопись, графика были второй всепоглощающей страстью Валери. Ранние сонеты его почти иллюстративны, в них много от «парнасцев» середины прошлого века, от «медальонов и портретов» с их выпуклой лепкой. Детство и отрочество поэта были связаны со Средиземноморьем, и юный потомок корсиканских моряков уже мечтал о поступлении в капитанскую школу, когда в нём «развилась (по его собственному признанию) эта несчастная морская страсть к литературе и живописи». Но если о Бодлере Домье сказал, что тот стал бы великим художником, не предпочти он стать великим поэтом, то для Валери акварели, наброски на полях рукописей, автопортреты служили скорее дополнением к литературе. Более того, подобно его символистским стихам, живопись поэта навсегда осталась мечтательно-смутной, запоздало импрессионистской. И это в те годы, когда авангард давно опрокинул все привычные каноны творчества! Для чётких, выверенных композиций Валери предпочитал архитектуру и математику, а в литературе – отточенные эссе. Но что удивительно: в поэзии Валери за внешней расплывчатостью внимательному читателю видна продуманная стройность, нанизанная на негнущийся каркас классической формы, за пятнами акварелей – строгий рисунок, а за аскетической сухостью эссе – подлинное изящество безупречного стиля. Объединяющим началом здесь, как мне кажется, служит третьё жизненное пристрастие Валери – музыка, в терминах которой замечательно сказал он о своей главной возлюбленной Музе:

«Поэзия – это тонкое прекрасное объяснение мира... Эта симфония, объединяющая мир, который нас окружает, с миром, который нас посещает».

Роман Дубровкин

ИЗ "АЛЬБОМА СТАРЫХ СТИХОВ"



ПРЯХА

*Lilia..., neque nent**

На пряху сонную лавины плавных звуков
Обрушил старый сад из растворенных окон,
Кружится колесо, певунью убаюкав.

Пьяна от синевы и вьющихся волокон,
На жесткий стул она откинулась устало,
Из пальцев выпустив пуховый, теплый локон.

Над гаснущей листвой, прозрачнее кристалла,
Забил воздушный ключ, полуднем ослепленный,
И ветром лепестки по саду разметало.

Над подоконником качнулся куст зеленый,
Учтиво преклонив к заброшенной кудели
Тугую ветку роз, и зашептал – влюбленный.

А пряха всё прядет, как будто в самом деле
Веретеном ее, кружащимся впустую,
Волокна темноты неожиданно овладели.

С небесной леностью сгущая тень витую,
Станок скрипучие наматывает бредни,
Рука ласкает шерсть – волнистую, густую...

Твой угол от цветов темней и заповедней,
Склоненный лоб листва увила золотая,
В закатной зелени пылает куст последний.

И роза юная – монашенка святая! –
Тебя девическим дыханьем убаюкав,
Поникла... Старый сад обрушил, облетая,

На пряху сонную лавины плавных звуков.

* Восходит к евангельской цитате: "Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, ни прядут" (Матфей, 6 : 28).

ОРФЕЙ

Под сенью миртовой, наедине с Орфеем,
Слагаю мысленно эклоги... Сноп огней
Затмил амфитеатр, где царственным трофеем
Лежит плешивая гора, но вот над ней

Запел Орфей, и гром катящихся камней
Испугом поразил всевластное светило,
Сметая жалобы ослепшие теней:
«Ты стены капища огнем раззолотило!»

Граниты движутся, колеблются, дрожат,
И каждый, тяжестью неслыханной прижат,
Взывает к небесам, где бог играет юный.

Встает полунагой, зарей омытый храм:
Он строит сам себя, он пропоет горам
Одушевленный гимн на лире златострунной.

РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ

Преджизненный озноб отчаясь побороть,
Исторгнутая в мир из материнской бездны,
На солнце, где прибой кочует камнерезный,
Алмазы горькие отряхивает плоть.

Еще не занялась улыбка, а на белом
Плече, отмеченном кровоподтеком дня,
Фетида разлилась, искристый дождь граня,
И волосы бегут по бедрам оробелым.

Обрызганный песок взметнулся вслед за ней,
И детский поцелуй стремительных ступней
Испила, зашуршав, сухая жажда впадин.

Но взор уклончивый предательски горел,
И в озорных глазах смешался, беспощаден,
Веселый танец волн с огнем коварных стрел.

ФЕЕРИЯ

Ущербная луна священным покрывалом
Окутала ночной жемчужный небосклон,
Рассыпав серебро у мраморных колонн,
Куда приходит Тень мечтать о небывалом.

Луна для шелковых пугливых лебедей,
Пернатым парусом в осоке шелестящих,
Умножит на воде число кругов блестящих,
Осыплет лепестки у роз и орхидей...

Все это будет жить?.. Кто в сумраке колышет
Тускнеющую зыбь, где лунный отблеск вышит? –
Хрустальным отзвукам давно потерян счет...

Нагая плоть цветов подхватит дрожь речную,
Боясь, что острием алмазным рассечет
Крикливый свет дневной фантазию ночную.

ТА ЖЕ ФЕЕРИЯ

Ущербная луна священным покрывалом
Окутала сквозной жемчужный небосклон
Над храмом, где в тени разрушенных колонн
Легко молчальнице мечтать о небывалом.

Она для шелковых пугливых лебедей,
Пернатым парусом в осоке шелестящих,
Умножит на воде число кругов блестящих,
Осыплет лепестки у роз и орхидей.

Пустыню зыбкую живая тьма колышет,
Разбуженная рябь, где лунный отблеск вышит,
Хрустальным отзвукам ведет пугливый счет.

Чье сердце, не стерпев безмолвья воскового,
Чье сердце выкриком немым не рассечет,
Как сталью, магию пространства рокового?

КУПАЛЬЩИЦА

В бассейне белизна купающейся плоти
(Затопленных садов дрожащая листва),
А над водой, как шлем в плюмажной позолоте,
Горит отъятая гробницей голова.

Заколкой-розою восторг небесный явлен,
И, в зеркале открыв сокровищницу нам,
Пучком двойных огней исхлестан, окровавлен
Ушной изгиб, нагим обещанный волнам.

За призрачным цветком, лазурью отраженным,
Напрасно тянется размытая рука:
Плывет и как во сне колышется, пока

Другая, замерев над небом погруженным,
Взбивает золото незаплетенных кос:
Торопится прервать сверкание стрекоз.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Принцессу спящую оберегает алый,
Подвижным сумраком лепечущий дворец,
В загадки полуслов слагаются кораллы,
И птицы тянутся доклянуть до колец.

Она не слушает ни солнечной капли,
В столетних кладовых звенящей без конца,
Ни ветерков лесных, что флейтами запели
В ответ на трубный клич неожиданного гонца.

Усните, отзвенев, разбуженные зори! –
Ни проблеска в твоём захороненном взоре,
Холодном к ласковым касаниям плюща.

Над теплою щекой и роза не развеет
Волнистой прелести полночного плаща,
Что втайне под лучом рассветным розовеет.

КЕСАРЬ

Суровый бородач, тесня врагов постылых,
Полмира придавив решительной пятой,
Ты жадно овладел закатной высотой,
Где бьется легион орлов ширококрылых.

От властных замыслов отвлечь тебя не в силах
Ни плеск волны, ни блеск пшеницы золотой:
Твердеют мышцы, торс напрягся налитой, –
Губительный эдикт дозрел в державных жилах.

Наутро яростью бестрепетных когорт
Империю свою поджечь ты будешь горд,
Полоску сжатых губ приказом размыкая.

Вдали поет рыбак, качаясь посреди
Залива мирного, не ведая, какая
Гроза сгущается у кесаря в груди.

ПРИЗРАЧНЫЕ ТАНЦОВЩИЦЫ

Плывут воздушные цветы в потоке лунном, –
Легко и радужно скользить фигуркам юным,
По вкрадчивым лесам... Смотрите, вот они
Струятся музыкой в просвеченной тени.
И чары полночи навстречу танцам снежным
Раскрылись розами, и мальвами, и нежным
Раскосым ирисом, – движенья плавных рук
Разлили аромат, но тихо все вокруг.
Лазурь осыпала листву над тусклым плёсом,
Лежащим россыпью под стать старинным росам,
Питающим цветок молчанья... Вновь они
Струятся музыкой в просвеченной тени,
Резные чашечки ладонями лаская.
На праведных губах уснула колдовская
Дорожка лунная, а пальцы пылко рвут
Под миртом дружеским сплетенье сонных пут...
И все ж случается порой беглянкам юным
Неотзвучавших арф не подчиниться струнам –
Прокрасться к озеру и пить в лучах ночных
Забвенье чистое из лилий водяных.

ОТЧЕТЛИВЫЙ ОГОНЬ...

Отчетливый огонь пронзил меня извне,
И понял я, что жизнь неистовую эту
Любить я не могу, как некогда, – во сне,
Любить ее шаги, распахнутые свету.

Ночами взор небес мне возвращают дни,
Едва на землю тьма ложится гробовая,
И если я не сплю – не спят со мной они,
Для жизни, для любви глаза мне раскрывая.

Но радости раскат в разбуженном мозгу
Катается чужим, невыносимым смехом, –
Утопленником я лежу на берегу,

И раковины шум пустым рокочет эхом:
Ползет сомнение к разбитому рулю, –
Я умер или жив, я сплю или не сплю?

НАРЦИСС ГОВОРИТ

*Narcissae manibus.**

Собратья-ирисы, о красоте скорбя,
В толпе нагих цветов я возжелал себя
И чахну! Вслушайся, о нимфа вод лучистых,
Молчанью жертвую я груз рыданий чистых.

Надежду слышу там, где слышит речь мою
Покой, склонившийся к вечернему ручью,
Я чую буйный рост серебряной осоки,
И дерзко обнажив померкшую струю,
Восходит диск луны предательски-высокий.

Как радостно в тростник я кинулся густой,
Измучен собственной печальной красотой:
И розу прошлого, и смех забыл я ради
Отвергнутой любви к волшебной этой глади.

О светлый водоем, оплакиваю я
Овал, объятый моими окаймленный,
Глазами черпая из смертного ручья
Свой отраженный лик, венком отяжеленный.

И нет конца слезам: подводный образ пуст! –
Сквозь чашу братских рук, сквозь бирюзовый куст
Сочится нежный блеск двусмысленного мига:
У холода глубин отняв обломки дня,
На дне, где демонов я ощущаю иго,
Нагого жениха он создал для меня!

Изваян из росы и пыли сребролунной,
Внизу живет близнец безропотный и юный:
Водой повторно плоть моя сотворена!
Руками, зыбкими от золотистой тени,
Взываю к пленнику светящихся растений,
Неведомых божеств 'скликаю имена!

* Умиротворить вас, усопшие предки Нарциссы.(лат.)

ЭПИЗОД

На солнце девушка причесывалась в тихой
Купальне, оттолкнув точеною ногой
Кувшинку, и мелькал атлас руки нагой
В ласкающих теплом, тускнеющих глубинах,
Согретых розами закатов голубиных.
И если по воде, где ветерок поник,
Бежала дрожью рябь, виной тому тростник –
Нелепая свирель вздыхателя, чьи речи
В жемчужинах зубов воспели сумрак встречи,
Для поцелуйных тайн избрав зацветший плёс.
Но равнодушная к притворству этих слез,
Не возводя из роз словесных пьедестала,
Тяжелый ореол богиня расплетала,
До наслаждения затылок отведя
Под зыбким золотом волнистого дождя.
Сквозь пальцы локоны текли в алмазной дрожи.
...Неторопливый лист на влажной замер коже,
Тростник разбил слезой прибрежное стекло,
И вздрогнула нога, как робкое крыло
Вечерней птицы...

ЗРИМОЕ

Если выгнулся вниз
Берег, дымом истекая,
Если сумрака слезу
Искупила соль морская –

На губах безгрешный дар, –
Значит к выпрямленной тверди,
К стенам волн струится пар,
Убаюканный в предсердьи

Той, чьи губы на ветру
Прогоняют влажной дрожью
Слов неслышную игру,
Приоткрыв за внешней ложью

В белозубом блеске дня
Нежность тайного огня.

ВАЛЬВЕНЫ*

Распутать здешний лес мечтательно осмелясь,
Расплавься в шепчущем огне воздушных струй,
Что ослепительной листвою расшумелись,
И лодку быстрюю стихами зачаруй.

Белеющих бортов обласканные блики
Бегут над Сеною, покуда паруса
Предчувствуют косу, где полдень солнцеликий
Купает в синеве июльские леса.

Но каждый раз, когда крикливые станицы
Дробят небесный свод, безмолвна и грустна,
Дрожит перед тобой пустая тень страницы,

Как всеми брошенный, бездомный парус на
Припудренной реке, теченьями изрытой,
И Сена книгою лежит полураскрытой.

* Вальвены – деревушка на берегу Сены, в лесу Фонтенбло, где в последние годы жизни проводил лето знаменитый французский поэт Стефан Малларме (1842-1898), оказавший исключительное влияние на творчество Валери.

ЩЕДРОСТЬ ВЕЧЕРА

*Неоконченное стихотворение
Полю Клоделю*

Борясь игрой ума с истомой колдовскою
Светила, что на миг открылось нам, смотри! –
Лазурное вино я пью, вода рукою
По шерстяным бокам таинственной зари.

Прощальный пыл небес прохладой успокою,
Былых искусников катаю янтари,
Но бог, пресыщенный сумятицей людскою,
Уходит прочь, презрев земные алтари.

Вручая небу плод мыслительной науки,
Ты материнские одолевашь муки,
Заря, достигшая вершины лишь сейчас.

Догадкой звездною провидит ангел глаз,
Как ночь безгрешную сверлит неблизорукий,
Бесптичью высоту пронзающий алмаз.

О вечер, сладкое отдохновенье празднуй!
По кромке западной ты разливаешь сон
Для праведных сердец и даришь неотвязный
Восторг змеиных роз – лукавые соблазны
Для смертного, чья мысль пытается небосклон.

На алтарях твоих в седом дыму курений
Богатство памяти сжигает взором он
И смотрит, идолопоклонника смиренней,
Как вырастает храм из ярких испарений, –
Он, точно весопляс, над пропастью повис
И устремляется с мостов эфирных вниз:
Чужим триумфом пьян, спешит настигнуть Случай,
– А вдалеке, в тени задумчивых кулис,
Ущербная луна скользит за тонкой тучей.

... Зевает человек – небытия вино
Допито, сокрушен сосуд тревоги жгучей,
Но чары вечера, клубясь, летят в окно,
Где женщина в туман закуталась давно...

– О старцы мудрые, сидящие в Совете,
Пусть стрелкой золотой весы укажут эти
На пик безмолвия – богам не прекословь!
– Мой портик, кто еще спасет нас от избытка
Бессмертной Красоты? В морях призывных
– попытка
Венеры противоречивая любовь!

Мой взор, внимательный к судьбе валов соленых
И жадный до твоих видений, Водолей,
Оставил для миров, прибором усыпленных,
Пустую комнату во тьме глубин зеленых,
А страсть к открытиям, мерцая все тусклеей,
Явила женщину из золотистых горнов
Песчаной отмели, где ходит пенный жернов.

Но ярче мысль, когда голубизна вокруг:
Мне в тучах видятся неведомые страны,
Где облака легко приемлют облик странный
Вакханок, и гроза срывает плащ пространный
С небес и демона высвечивает вдруг:
Стоит, на облако облокотясь устало,
И смотрит, как плывет архангел в синеву,
И, точно тень меня неволить перестала,
Я сам плыву за ним, подобно божеству,
С презрением к себе парю в немом просторе,
Приморской памятью в несбывшемся живу,
И взор избранника в моем кочует взоре.

Тысячесветная и пенная гряда,
Ты крепость чистоте возводишь всемогущей!
До сердца достучись, бегущая вода,
Дроби осколки солнц, чья кровь закатов гуще,
Один рубеж тебе заказан навсегда –
Богов от сумрака земного стерегущий.

Дуга длиною в лье, многоколонный свод,
Над ливнем тяжких чар в оцепененье белом,
Где жажда вознестись шатром поголубелым
Влечет задымленный, иссякший пароход...

Но сумеречный пик погас, отягощенный
Снегами, – облачный его сжимает нимб.
Прощанья близок миг, лучами позлащенный, –
Влечение твое рассеется, Олимп!
Исчезнет хрупкий челн, пространством
поглощенный.

Фронтоны грузных снов с неконченной
резьбой,
Фасад, где занавес раздвинут голубой –
Для злобных глаз земли рубинами приколот.
Грядет ущерб Времён – желанья нет
ни в ком:
На пурпурных губах, растянутых зевком,
Слова, плененные поэтом, рушит молот...
Грядет ущерб Времён – желанья нет
ни в ком.

Прощайте, чудные картины, я как прежде
Несытой гаванью объятья вам раскрыл.
Уйдя от гибели наперекор надежде,
Как быстрый парусник, взъерошьте перья крыл!
Спешите! Ночь грозит приблизить смерть
Тантала:

АННА

С измятой простыней почти сливаясь, Анна
Сквозь пряди длинные глядит издалека
На обнажившийся живот, где бездыханно
Откинулась во сне бесцветная рука.

Просторно ходит грудь, вбирая мрак тягучий,
И, точно памятью, нагую плоть сдавив,
Приливную волну мешает с влагой жгучей
Разорванного рта раскатистый извив.

С цветными пятнами на невозбранном теле,
В прохладу устремясь – в крутой водоворот,
Во мраке спящая дрейфует на постели,
Тюльпанной горечи подставив жадный рот.

Пока на отмели не выброшен льняные
Рассвета ранний блеск, бездушен и кровав,
Пока ладонь влажна, и пальцы ледяные
Разжаться не спешат, земную нить порвав, –

В забвенье, без мужчин, без грез, напропалую
Нырнуть и, томную приоткрывая гроздь,
Не подставлять ее хмельному поцелую,
Смеющейся лозой увить нагую кость –

Шпалеры, где кричит, забредив плодосбором,
Телодвижение любое, жест любой:
Любовники, гордясь изысканным убором,
Так чувство хрупкое потащат на убой.

Монархи варварских держав, тая восторги
За дрожью обмерших сердец и голосов,
Приготовленьями неутомимых оргий
Натравят на тебя разгоряченных псов...

Не отвернешься ты от пальцев ослабелых,
И кровь, которую ничем не побороть,
Тяжелою волной пловцов накроет белых
И бросит на твою утесистую плоть...

Смиряет демонов твой остров тихоструйный –
Обетованный край! – любовь плывет к нему
В надежде с гидрою сразиться поцелуйной
И ненавидящим зрачком пронзает тьму!

Ах, если золото сквозь абрис нетворимый
Вгрызется в теплую предутреннюю ткань,
Вернись в прозрачный мрак, где Тождества
Провалом мраморным в лучах рассветных стань!
незримы,

Пусть губы, раздвоясь в улыбке изнуренной,
Продолговатых слез кусают стебелек, –
Под маскою души, ко сну приговоренной,
Покой настиг тоску и отдохнуть прилег.

Старуха, что атлас округлый золотила
И ставни жгла перстом, альков забыла твой –
Не вырвать ей тебя из утреннего ила,
Светилу не вручить запястий звон живой...

Но дерево извне раскрыло веер дымный,
Укоры совести гоня в конце концов,
И над трилистником пылающие гимны –
Напевы птиц – одни смиряют мертвецов.

АРИЯ СЕМИРАМИДЫ

Камиллу Моклеру

Блистать короною из утренних лучей
Мечтает бледный лоб, глаза взирают сонно,
В прожилках мрамора светлеет мгла ночей,
И зреет золото рассветного виссона.

«Явись, великая душа, – зовет Заря, –
Прими же наконец телесное обличье!
Спешి назначить день, когда огней моря
Преобразят твое бессмертное величье!

Уже гремит труба, и голос битвы груб,
Пожаров отблески бегут от башни к башне –
О пышность древности! – и вспышки жадных губ
Холодный воздух жгут наемника бесстрашней!

Из мрака поднимись – довольно жить впотьмах!
До суши доплыви, до истинного зренья:
Сметёт преграду волн пловца победный взмах,
Глубины существа круши до изнуренья

И, вопрошая плоть, отважно разорви
Её бессилия невидимые пути:
От чудищ, чей приплод снует в твоей крови,
Избавься – от ночной новорожденной смуты...

С востока я пришла и каждый твой каприз
Готова ублажать деяньем самым чистым:
Пусть пламена твои питает свежий бриз –
Соедини себя с пророчеством лучистым!»

– Ответствую Заре из бездн небытия,
И сердце с крыльями орла-огнепоклонца
Меня уносит ввысь – тщеславна цель моя:
От сонных мертвецов лечу быстрее солнца.

И, розу подхватив, беру наперевес
Блестящее копьё, а в голове толпится
Поспешный гул шагов – величию небес
Объятыя распахну, воздушная царица!

На кровле башенной, счастливая, стою.
О безлюбивный шпиль, гордись Семирамидой!
Узрев безбожную империю мою,
Правитель, скипетру жестокому завидуй!

На пропасть посягну! Пройду мосты садов,
Безумица, продлю пожар надменной страсти
На муравейники кишаших городов:
Дороги – росчерки моей монаршей власти!

Держава предо мной простерта шкурой льва,
Его убила я и завладела шкурой!
Отныне призраком хранительного рва
Вокруг овец моих блуждает запах бурый!

Я солнцу жертвую секрет державных жен,
Впервые к нежному прильнет оно порогу,
Земли и неба зов взаимно отражен –
В нем тайной хрупкости вкушаю я тревогу.

О пиршество царей, осознанная мощь,
У ног безгрешного, божественного стража
Лежишь ты подступом туманных крыш и роц,
Намеком тайного свершенья будоража.

Здесь я на высшее величье посягну –
Я, сердцем окрылясь, взойду на эту кровлю,
Небесную в себе открою глубину,
Прибежище душе смятенной уготовлю!

О пропасть славная, о вогнутая грудь,
Вбирающая синь телесными ноздрями,
Ты горький фимиам возжаждала вдохнуть
Над человеческими кварталами-морями!

О солнце, полог сна отбросив второпях,
Хочет улей мой, гремит над Вавилоном,
Поют рожки, визжат кувшины на цепях,
И камни к пильщикам зывают непреклонным.

Вверяя страсть мою резцу и долоту,
Рабочим гомоном я населяю воздух,
Неукротимый шпиль пронзает высоту,
И глыбы мрамора пищат, как птицы в гнездах.

Растет строение навстречу небесам,
Отныне голос мой в решенье судеб слышен,
И, кажется, мой храм себя возводит сам,
Дрожжами смутного брожения возвышен.

Увы, тесна, как плен, державная стезя,
Немыслящим рукам обязана я славой,
Но эту ненависть не полюбить нельзя,
Когда у ног твоих – хребет тысячеглавый.

Толпа мурлычет мне напевы, как волна,
В простертой ярости утихшая до плача, –
К царице ластится, умиротворена,
До срока дикое негодование пряча.

В трусливом ропоте раскрывшиеся рты –
Я слушаю, я жду их ярости подолгу.
Не менее богов несправедлива ты,
Великая душа, приравненная к долгу!

Любовной прихотью задетая порой,
Победной страсти я добычею не стала,
Вовек я от себя не отрекусь, герой,
Тенётам нежности не покорюсь устало.

От низменных блаженств, от ласковой вражды,
От разомлевших тел, от поцелуйной влаги
Сбежала я в свои висячие сады
И там, на высоте, где бездна в полушаге,

Где молний яростных цветочный ждет бальзам,
Где роза дерзкие испепеляет руки,
Я, безразличная к признаньям и слезам,
Венчаю прошлое надгробьями разлуки.

Смотрю, как высится новорожденный храм,
Массивный монумент бесплотного мечтанья,
Как грубые кубы, подобные горам,
Воздушных замыслов приемлют очертанья.

Звени, кимвал, ликуй! Как перси, высоки
Аркады убранной цветами пирамиды, –
Веди меня, о мысль, открой мне тайники
Царицы мудрых чар, златой Семирамиды!

ЮНАЯ ПАРКА

Андре Жиду

На долгие годы оставил я искусство поэзии;
пытаясь снова подчиниться ему,
я сочинил это упражнение,
которое и посвящаю
тебе

Ю Н А Я П А Р К А

*Ужели чудеса нагромоздило Небо
Для обиталища змей?
Пьер Карнель*

Кто плачет в этот час, не ветер ли ночной,
Граня верховные алмазы надо мной?
Кто плачет так, что я сама вот-вот заплачу?

Ладонью заспанной блуждаю наудачу
По ледяной щеке и, уступив стыду,
От вещи слабости слезы заветной жду:
Оттает, чистая, права судьбы присвоив,
Засветится во тьме сердечных перебоев.
В нашептываньи волн мне слышится упрек:
Опять доверчивость чужую подстерег
Прибой и заточил, не выплеснув на сушу,
В соленом горле скал обманутую душу...
Что делаю я здесь, растрепана, робка?
Безлиственно дрожит холодная рука,
По островам груди в сомнении плутая...
Всесокрушением томится даль пустая...
Свечусь, привязана к тебе, сквозная гроздь!

Величественный свод, неотвратимый гость,
Достойный проникать пространства временные
И в безднах порождать свеченья неземные, –
О сколько чистоты в сиянии твоём!
Сверхчеловеческим предвечным острием
Ты сердце смертное пронзил до слез, до дрожи...
Наедине с тобой стою, покинув ложе,
На изувеченной фантазмами скале,
Пытаясь разгадать в незаживленной мгле,
Какой неправдой я разбужена ночью,
Свершенной надо мной или свершенной мною?
... А, может, прежних слов я одержима злом,

Когда прохлада рук переплелась узлом,
Сдавлив мои виски (задута лампа шёлком),
И молнию души ловила я осколком
Небытия, о нет, была я госпожой
Неотягченных вен: мой взгляд, почти чужой,
Следил, раскинувшись над лабиринтом плоти,
Как, дебри тайные купая в позолоте,

Змеинный, жгучий я нащупала укус.

Какие обручи желанья, нежный груз
Сокровищ трубчатых, скользящих шлейфом
томным,
И жажда светлого в нагроможденьи темном!

Коварный!.. В отблесках язвящего огня
Пронзенной, познанной оставил ты меня...
В изменнице-душе нас возрождает жало:
Твой яд отныне – мой! Познав себя, бежала
По жилам молния – мной обладавший яд.
Для скрытных девственниц огни его таят
Угрозу ревности – к кому же я ревную?
О боги! ощутить в себе сестру иную,
Всегда горящую, всегда настороже!

Простосердечие, ненужное уже!
Прочь от меня ползи, любезный Змей, мне гадки
Заемной хитрости петлистые догадки
И преданность твоя, услужливый беглец
Наивных головокружительных колец!
Вокруг себя совьюсь – души моей достанет,
Она, раскинувшись над тенью, не устанет
Всю ночь вгрызаться в холм прельстительной
груди,

Излившей молоко мечтаний, – отведи
Сверкающую длань, грозящую любовью
Бесплотности моей, – какому пустословью

Желанный, жертвенный я предпочту удел?..
Развалин позумент, меня ты не задел
Теченьями, – уйми волнистые разгулы,
К истокам возврати беспутные посулы:
Глаза мои давно открыты, не ждала
Я меньшей ярости от скрученного зла
В пустынной сухости запрытанного клада.
Границу моего мыслительного ада
Пытаюсь различить – о многом знаю я...
Пусть лицедействует надломленность моя,
Не так прозрачен дух, чтоб идольская злоба
В пещеру разрослась безрадостного гроба
Под взлеты факела в граненой, скальной мгле.
Когда б мы ведали, что может на земле
Из бесконечного родиться ожиданья!
Но даже тень сдалась агонии страданья.
Тревожный взор души прожорливо-глубок:
Витого чудища волнующий клубок
На жаркую ступень вползает, обессилен
Тягучей томностью заласканных извилин...
Что значишь ты в моей немеркнувшей ночи,
Рептилия? сплетя капризные бичи,
Мой небрежащий сон ты созерцала, вспомни!..
Но я изменчивей, о Тирс, я вероломней!
Со мною заодно опасности мои.
Пещерный выползок, прочь от меня струи
Бескостный свой хребет, спиральной страстью
вздутый,
Другую танцами массивными опутай,
Пленяй нагую ночь ее закрытых вежд
Чередованием тождественный одежд,
Клубись, высиживай зародыши зевотной
Сердечной слабости, покуда сон животный
Сжимает девственниц лоснящимся кольцом...
Не выплавав тоски, – с заплаканным лицом,
Бессонно-бледная, проснулась на постели,
Но склеп, укачанный в отсутствующем теле
Разбила, перейдя порог небытия.

Потом, облокотясь, во тьму смотрела я,
Мечту к державному примерив своеволью.

Всецело дорожа божественною болью,
Я ранку узкую на дрогнувшей руке
Бросалась целовать: я знала, вдалеке,
На гребне древнего догадливого тела
Горит огонь. «Прощай!» – я закричать хотела

Себе, земной сестре, солгавшей в остальном...

Единственное Я, не созданное сном!
Живая жертвенность, очерченная блеском
Безмолвья... Бледный лоб, преследуемый плеском
Волос, украденных ветрами, и в морях
Продленный нитями седых, косматых прях, –
С непобедимым Днем мое венчанье празднуй!
Перед улыбчивой вершиною алмазной
Супругой равную я простираюсь ниц...

О драгоценный лес сомкнувшихся ресниц,
Ослепшей полночью переплетенных густо,
На ощупь, в темноте, молясь тысячеусто,
Покровом пористых окружных позолот
Вбирала вечность я и бархатистый плод –
Себя! – вручала в дар бессмертию вселенной,
Но в бледной мякоти, под кожурою пленной,
Кипящий солнцем сок не бредил горячо
Загробной горечью, – открытое плечо
Пожертвовала я просвеченным высотам:
На грудь, обильную под стать счастливым сотам,
Объятыем вогнутым сошел уставший мир.
Ты поглотил меня, светящийся кумир! –
Бегу и быстрые распутываю тени,
Скользя туникою по зонтикам растений,
Склоня лезвия надменных, хрупких трав,
Бегу, величие цветущее поправ

Счастливой гордостью своей свободы новой.
Порой за полотно зацепит куст терновый
И тела свежего мятежную дугу
Перечасим шипам откроет на бегу –
Под куполом льняным оно блеснет, прославясь
Твоими красками, о бронзовая завязь!

Отчасти тяготясь могуществом пустым,
В душе послушная желаниям простым,
Чью волю гладкие присвоили колени,
Я сбрасывала гнет неловких сожалений,
И чувственная цель казалась мне светла:
К ней глина вязкая шагов моих плыла.
Беспечной стала я и на решенья быстрой.
Пылающий покров из снов природных выстрой
И до бескрайности, о Полдень, опьяней!
Беги!.. Увы, у ног недружество теней
Скользит струящимся подобьем зыбких мумий,
Загримированной бесплотности угрюмой,
Неубивающей касается земли,
Танцует, гибкое, в нетронутой пыли,
Таится между мной и розой огневою
И разрывается, не шелохнув листвою...
О похоронная ладья!...

А я стою,
Живая, и, вручив себя небытию,
Вооружаюсь им и, как гортань сухая,
Хмель померанцевый восторженно вдыхая,
Зениту жертвую пустой, сторонний взгляд.
О неужели свет от сердца отдалят
Растущей полночи пытливые секреты,
И уголок души расширится, согретый
Глубинным знанием, избегнув чистоты!..
В полубеспамятстве стряхнуть не в силах ты
Недвижный обморок дрожащих ароматов,
Нагая статуя, чей мрамор бледно-матов
В капризном золоте дурманящих лучей.

Нет, черный мой зрачок, зрачок давно ничей,
Колодцем тартара круглится, обрываясь
В мыслительную тьму, – я ветру открываюсь,
Но душу отстоять у веток не могу,
На золотящемся вселенском берегу
В обличьи Пифии стенаю и коснею,
Пьяна пророчеством, что мир погибнет с нею.
Загадки идиолов в себе я обновлю.
Задумаюсь, замру и небеса молю,
Прервав мечтания, бегущие зеркальным
Крылом по солнечным кругам зодиакальным,
Меняясь сотни раз в игре с небытием,
Пылая в мраморе зияющем моем.
Глазастой пропасти опасная добыча!

Духовным зрением над взморьями владыча,
Я столько видела сменяющихся дней,
Что ведала, какой окажется бледней,
Какой сиянье мне подарит в ровном беге,
Но кроме скуки я не знала привилегий,
Заря шептала мне: враждебность предпочти.
Почти умершая, бессмертная почти,
Я в сновидениях разглядывала тронный
Алмаз, блистающий над будущей короной,
Где леднику невзгод противятся одни
Задумчивого лба бездонные огни.

О Время, догорев в мечтательных глубинах,
Дерзнешь ли в сумерках воскреснуть голубиных,
Где доверительным полотнищем возник
Румянца детского кочующий двойник,
В закатный изумруд стыдливой розой канув.

О жертвенный костер! Как маски истуканов
Воспоминания на золоте зари.
Раздуй парчу небес и оплодотвори
Отказ воспламенеть и стать иной, чем прежде,
Придай кровавый блеск бескрасочной надежде,
Обожествляющей святой лазурный свод

И время ирисов у безразличных вод, –
Бесцветный выпей дар, мечтая обновиться:
Мне осторожная чужда отроковица
И соучастница ее – лесная тишь,
К тревожной ясности ты ненависть простишь...
Хочу, чтоб в ледяной напуганной гортани
Забил охрипший ключ любовных бормотаний...
Крылатой лучнице открыт затылок мой.

Как сердцем слабнущим не ослабеть самой?

Я жду, а виноград темниц угрозы множит,
И листьев клейкий бред прилип к щекам, а, может,
Стволы ресничные развежились вокруг
Вечерней тяжестью переплетенных рук?

ГЛАЗА МОИ, ВО ТЬМУ ВЗДЫМАЙТЕ СВОД
СВЯТЫНИ!
ВЕНЧАЙ МЕНЯ, АЛТАРЬ, НЕВИДАННЫЙ
ДОНЬИНЕ!

Так небо призывал утес телесный мой.
Земля, сверкнувшая стоцветною каймой,
Сползала, вольная с челом расстаться белым.
Вселенная, дрожа на стебле оробелом
Отказывалась мысль короновать мою, –
Чеканной розою на жизненном краю
Взросла она в борьбе с нездешним произволом.

Пусть в черепе твоём, беспамятном и полом,
Живет мой аромат, о Смерть, вдохни скорей
Приговоренную прислужницу царей,
Зови меня, терзай! Скучна иная участь:
Новорожденный год преодолел тягучесть
Неторопливых вен: весна предвестья шлет,
Неясно бродит кровь, в алмазных искрах лед...
Не устоит зимы сверкающий осколок.
Надзвездных благостей вздыхающий астролог,

Разгульный паводок, взломал речной сургуч,
Весны-насилъницы веселый хохот жгуч!
Такой беспутный звон разлит в зенитном зное,
Что нежностью нутро пронизано земное!
Деревья в чешуе раздутой и сырой
Тысячерукою волнуются горой
И в терпком воздухе, как шерстью громовой,
На солнце хлопают крылатою листвою,
Уносятся в простор – и чувства нет новей!
Глухая, имена парящие навей!
Нет, их не слышишь ты в смешеньи цепких связей:
Клонясь верхушками раскидистых фантазий,
Гребет к богам, гребет наперекор богам
Единодушный лес, к надлобным берегам
Уносит он, о Смерть, разлуки остров синий
И гонит праведно по мокрой древесине
Сок, под пластом травы таимый до сих пор.

Какая смертная соблазну даст отпор?
Какая не нырнет без долгих размышлений
В такой водоворот?

Предчувствуют колени,
Как беззаступный страх вползает в детский плач,
И тотчас птичий крик – прельститель и палач! –
Пронзает тень мою! О розы, вздохом жадным
Я возрождаю вас. Увы, рукам нескладным
Корзину не поднять: в сердечной тьме – изъян!
От вида скрученных волос победно пьян
Двуликий день – меня он целовал в затылок!
В гуденьи диких пчел как робок он и пылок.
Бери меня, о Смерть, и ты, Заря, бери!
Ах, сердце, ты меня взрываешь изнутри,
Трепещешь, вздутое, как в неводе лиловом,
Такое лютое с плененным рыболовом,
Такое нежное для бесконечных уст!

На жажду слаще я не надевала узд!
Нелицемерные желанья, ваши лица

Светлы... Дозволено плодами округлиться
Любви богов, сосуд влеченья оживив:
Лучистые бока и бедренный извив,
И материнское приемлющее лоно –
Во мне алтарь они воздвигли благосклонно:
Там души чуждые перемешать легко,
Покуда семя есть, и кровь, и молоко!
О ненавистная гармония, где каждый
Случайный поцелуй – предвестник плотской
жажды!

Смотрю, как явности телесной избежав,
Кочуют жители несбыточных держав.
Нет! собеседники мои и побратимы,
В заманчивую плоть вовек необратимы
Ни вздохи пылкие, ни взоры, ни мольбы,
Я вас не оживлю, бессильные рабы,
К неосязаемым вернитесь мириадам!
Кто согласует жизнь с безвидным этим адом?
С теньями разум мой мечты не примирят,
Вам не затрепетать под грозовой разряд
Речей... Как жалки мы, слепые вихри праха!

Небесную стезю не отыщу от страха!

О вспышке чувственной молю тебя одну,
Наплывшая слеза, о чем еще дерзну
Просить? Ты над щекой ревнующе нависла:
В сплетении путей немало злого смысла!
Земная, помню я, как царственный дедал
Тебя из темноты сердечной созидал
Для возлияния, обещанного соком
Глубин, воскреснувших в заклании высоком
На жертвеннике тайн и драгоценных снов!
Пробив пещерную кору первооснов,
Полночным ужасом ресницы разжимая,
Из гротов совести сочится соль немая.
Где твой исток, слеза? Какою новизной
Работы внутренней, и грустной, и земной

Свою упрямую ты возлагаешь ношу
На материнские ступени? Что я брошу
В пугающий провал ночных твоих борозд?
Отсрочкой душишь ты, твой зримый путь
не прост, –
Кто призывал тебя на помощь свежей ране?..

Зачем вы метите, рубцы, алмазы, грани,
Слепую эту плоть? Куда идет она,
Незнанием собственным и верой смущена?
Надежду не прогнать бессильем пальцев робких.
О почва, вязкая от водорослей топких,
Подруга нежная, неси меня вперед!
Покорность снежная ужели не замрет
У самой западни? Что ищет лебединый
Бесправный мой порыв? О радость стать единой
С земною прочностью! Мой шаг упрямо тверд,
Но ужас на тропе непознанной простерт!
Еще один подъем подошвами ощупав,
Верну природную уступчивость уступов, –
Над сомкнутой землей воздвигся пьедестал:
Там бездна пенится, там ветер исхлестал
Утесы, скользкие от ламинарий бурых, –
Как здесь мечтать легко о растворенье в хмурых
Непойманных волнах! Однообразный гул
Подобье савана над морем натянул,
Соткав его из брызг и расщепленных весел.
В стенающую ширь он жребии отбросил
Наперекор мольбам береговых камней.
Нашедшего следы босых моих ступней
Удастся ли отвлечь от созерцаний важных?

Неси меня, земля, по грудам стеблей влажных!

Таинственное Я души еще живой!
Как горько на заре увидеть облик свой
Неизменившимся...
Зеркальной выгнут чашей

Светлеющий залив, пока улыбкой вашей,
О исчервленные, вчерашние уста,
Наводятся на мир холодные цвета,
И камни зыблются, как в толще водоема,
В тюремно-замкнутом браслете окоема.
Рука обнажена над зеленью зыбей.
Рука несет рассвет!

Проступка нет грубей,
Чем жертву разбудить непринятую!

Гладок

Отполированный, почти лишенный складок
Порог – отспоренный и выравненный риф! –
К неумиранию меня приговорив,
Уходит темнота, и обнажен желанью
Алтарь, где памяти я предана закланью.

Там пена силится упрочить зримый вид,
Там вечность на плече волны отождествит
Себя с качанием рыбацкого баркаса.
Природа точно ждет властительного гласа,
Дабы к предбудущим рожденьям сделать шаг
И целомудренный веселый саркофаг
Восстановить, гордясь своей вселенской ролью.

Обожествленные порозовевшей солью,
Привет вам, острова, потешники лучей
И солнца плавкого! Предвижу, горячей
К полудню загудит деревьев рой пчелиный,
И каменистые почуют исполины,
Как близок огненный элизиум! Леса,
Где мыслью зверние блуждают голоса,
Холмы, где славят мир напевы козопасов, –
Привет вам, острова! Морями опоясав,
Свой материнский стан, колени преклоня,
Вы облик девственный храните для меня!
Но как над головой цветы у вас ни яркие,
Ступни в морскую стынь вы погрузили, Парки!

Приготовления души, покой висков
И смерть, совсем как дочь таимая, – таков
Исход, означенный предвзятостью верховной:
От блесков роковых уходит безгреховный
Полет, но разве он не временный разрыв?
Я первая к богам приблизилась, открыв
Лицо тиранскому дыханию ночи вечной:
Об изречении тоски бесчеловечной
Сквозь гущу темноты я вопрошала твердь...

В слепящей чистоте я выдержала смерть,
Таким же некогда я выдержала солнце,
Но в изваянии моем – огнепоклонце,
Под обнаженною, натянутой спиной,
Душа от прошлого спасалась тишиной,
С надеждой слушая колючие оттенки
Толчков, изношенных о набожные стенки,
Потворства давнего предчувствуя итог –
Существования трепещущий листок...

Ты не умрешь, не жди... Насмешлива удача
К той, что в зеркальности себя жалеет, плача.

Но разве не была волшебной цель моя,
Когда палачеству определила я
Презренье светлое к многообразью рока?
Погибельный алмаз без пятен, без порока!
И разве склоны есть прозрачнее, чем те,
Где я карабкаюсь к затерянной черте
По взору долгому закланницы отверстой?
Какую тайну ей хранить, кровавоперстой?
На грани бытия, в безбурной белизне
Она от слабости прекраснее вдвойне,
Смирная серп времен, над плахою нависший,
Предсмертной бледностью бледна, последней,
высшей.

Так с плотью полою целуется волна,
Так в одиночестве себя бежит она...
Душою я давно плыву к надзвездной выси

В мечтах о траурно шумящем кипарисе.
Я жертвой чувствую себя у алтаря
Дурманов завтрашних, бестрепетно паря
И тая в облачном, неосторожном дыме,
Я стала деревом с волокнами седыми,
Величье растворя в пространстве роковом.
Я завоевана гигантским существом,
Любовьюжданного куста-единоверца:
Толпу лучистых тел из фимиама сердца
Рождает трепетно туманный мой состав.

О нет! от высоты двусмысленной устав,
Я больше не ищу у лилии печальной
Возврата к прошлому – сосуд первоначальный
Мы силой жизненной не сбросим, не затмим.
Кто ратоборствует с могуществом самим,
Когда твое чело – маяк в пустыне ночи,
А зрение твое – его дневные очи?

Задумайся, какой безгласный произвол
К воскреснувшему дню из тьмы тебя привел?
Из тьмы, мертвецкою тоской отягощенной!
У безотчетного щепотью позлащенной
Добудь рассветами отспоренную нить:
Твой путь слепой она сумела отклонить
До этих берегов... Жестокой будь и лживой,
И тонкой! Распознай, как стала ты поживой
Ползучей трусости и вздохов-беглецов,
И пряных, как земля, заботливых сосцов?
Какая затхлость недр, какие сны рептилий
Тебе пещерную бескостность возвратили?

Вчера, царица-плоть, ты предала меня,
Ни ласкою, ни сном не возведив огня...
Чаруясь демонской благоуханной властью,
Мужскую шею я не обвивала страстью
Воображаемых, полуумерших рук,

И лебедь – вспененный, божественный супруг! –
Не потревожил мысль пожаром перьев снежных.

Не ведать гнезд ему столь трепетных и нежных!
Я телом сомкнутым и девственным была
Доступна каждому: расслаблена, бела, –
Во впадине волос, в пещере златоржавой
Господство растеряв над чувственной державой.
В объятьях собственных я сделалась другой –
Кто от тебя бежит? Кто с болью дорогой
Прощается? В какой излучке сердце тает?
В какой из раковин бывало обитает
Отзвучьем имени? Какой коварный шквал
Меня из крайности безвременной призвал
И отнял долгий вздох, и помешал проститься? –
На жертву сон слетел таинственный, как птица.

Казалось, час настал, когда в душе любой
Пророчица уже не может быть собой,
Устав потворствовать строптивому терпенью,
И вяло борется с последнею ступенью.
К покинутым рукам торопятся шаги, –
От коронованных покойниц не беги!
Лицо – такой же вздох.

Склоняюсь запоздало

К согласью нежному: простила, оправдала
Я злую плоть свою – у пепла горек вкус!
Свидетельницам тьмы несущим паденья груз –
В истерзанных руках – наперекор мечтаньям,
Разъята надвое безвольным бормотаньем...
Спи, мудрость, возведи алтарь небытию,
Верни к зародышу бессветную змею,
Отдайся сумраку несобранных сокровищ...
Усни, сойди живой в безгрешный сон чудовищ!

*(За дверью... сводчатой, как перстень... вьется газ...
В журчанье горловом... предсмертный смех угас...
Из бледных губ твоих пьет коршун в сонной нише...
И тьма не так темна... Спускайся... Тише... тише...)*

Мой беспорядочный, мой еще теплый склеп,
Здесь ум разбросанный, всезрящий ум ослеп,
И, уступив себе, я в саван обернула
Сердечный стук – в живом колодце я тонула,
Где дышит вечностью льняная западня,
Заполненная мной, вобравшая меня.
Мой оттиск, полое тепло пустого ложа,
Своим в конце концов тебя признала кожа.
Мой дух в пучинах грез надменных усыплен
Волнами складчатых ласкающих пелен:
На бледных простынях себя дыханием выдал
Изобразивший смерть, летящий в бездну идол –
Живая женщина с заплаканным лицом,
Уставшая копить с любовником-скупцом
Восторги тайные, когда в нагой пещере
Порвал он договор на смертные потери.
Непознанный ковчег, всю ночь я, как в бреду,
С неотторжимыми цепями спор веду,
Рыдаю и во тьме качаю безрассудно
Твореньями земли нагруженное судно.
Но что это? Глаза, томясь голубизной,
Взирают холодно на смерть звезды ночной.
Порыва моего взошедшее светило
Прабабки юную тоску раззолотило, –
Так совесть воровским сжигается огнем:
Обожествленная солнцеподобным днем,
Преображается недавняя гробница, –
У ног моих вода грозит воспламениться!
Заря приблизилась, и зыблемый покров
К ночным империям уносится, багров...

... Но если я жива, прощанья бесполезны,
Как сны! На берегу необозримой бездны
Стою в исчезнувших одеждах, а в груди
Вздывается прибой – тревоги позади!
Глазами выпью соль, лицо подставлю пене
И злобе ветреной бурунных песнопений!
Ах, если вздуется подводная душа,

И на волну волна обрушится, круша,
Завоет, загудит, набросится недобро
Белесым чудищем на каменные ребра,
Обдав мой лоб огнем осколков ледяных,
Ах, если острия трезубцев водяных,
Исторгнутые мглой, мою исколют кожу,
Наперекор себе тогда я приумножу,
О солнце, похвалы и сердцу, и твоим
Лучам, дарующим рожденье нам двоим, –

Я кровью девственной тянусь к снопам огнистым,
И благодарна грудь под золотым монистом!

ИЗ СБОРНИКА "ЧАРОВАНИЯ"



ПОЯС

Когда любуясь высотой,
Глаза румяна щек вбирали,
И розы с Вечностью играли,
Застывшей в точке золотой

Неоживающих смятений,
Перед счастливой немотой
Затанцевал перевитой
Свободный пояс тонкой Тени.

Он от заката ускользал,
Струями воздуха прогретый:
Кольцом верховным с жизнью этой
Мое молчанье он связал.

Ты, наплывая, уплывало,
О сумрачное покрывало!

СПЯЩАЯ

Люсьену Фабру

Какую тайну пьет в пьянеющем цвету
Возлюбленной моей дыханье колдовское?
Какой наивный луч, свечение какое
Питает женщины уснувшей красоту?

Подобных недругов не знать я предпочту:
Непобедимых снов безмолвно дно морское, –
Ты в торжествующем растаяла покое,
В ненарушимую закуталась фату.

О тяжесть забытья и мрака золотого,
Ты жутким сном своим вознаграждать готова, –
Под спелой гроздью лань уснула у ручья.

Пока душа грешит, в аду ища защиты,
Ладонью заслонясь, живая плоть твоя
Не спит – и потому глаза мои открыты.

ФРАГМЕНТЫ НАРЦИССА

I

*Cur aliquid vidi?**

О как сияешь ты, венец моих томлений!

Под вечер наконец прервался бег олений,
И в гуще тростников простерся я без сил,
Но жажду утолить у бездны не просил.
Нет! домогаясь чувств, неслыханных, быть может,
Загадочную гладь Нарцисс не растревожит.
О нимфы, из любви ко мне вы спать должны!
Вспорхнет бесплотный сильф – дрожите вы,
бледны,

А стоит чахлому листку над узкой тропкой
Задеть нечаянно плечо дриады робкой,
Как вспыхивает жизнь в любом углу лесном...
Я наваждение питаю вашим сном:
Парящего пера его пугает трепет,
Пускай же до утра слепые вежды сцепит
Божественный покой, – от дремлющих наяд,
От неба облака меня не утаят!

Присниться вам хочу!.. без вас, ручьи лесные,
Я тщился бы найти сокровища иные,
Не зная ни тоски своей, ни красоты, –
К смущенной нежности взывал бы: «Где же ты»?
И, неутешенный чертами дорогими,
Рыдал бы о любви, даруемой другими...

Бесслезный, ясный взор увидеть ждали вы,
О нимфы, пленницы безветренной листвы,
Бесстебельных цветов и неподкупной сини, –
Увы, призвав меня к береговой трясине,

* Зачем увидел я? (лат.) – Овидий «Скорбные элегии», книга II.

Отверстая земля сияньем манит стаю...
Увы, спокойствия я здесь не обретаю!
Едва поддастся мрак, чьи грезы так чисты,
И в бледном ужасе раздвинутся кусты,
Врагиня-плоть, скользнув из сумрака лесного,
Стволы испуганной листвой исхлещет снова,
Тоскуя по сырым бессолнечным местам.
Но как смятенному Нарциссу скучно там!
Я раб журчащих вод, я пленник отраженья,
Влекущего мой взор до головокруженья!

О светлый водоем, оплакиваю я
Покой, объятьями моими окаймленный,
Глазами черпая из смертного ручья
Такие же глаза химеры удивленной!
Ты, как чужую жизнь, в нерасточенном сне
 Меня разглядываешь, бездна.
Меня влечет к тебе, тебя влечет ко мне, –
 Любовь к себе так бесполезна?

Оставь, бессонница, свой обреченный труд –
 Тревожных помыслов гаданья:
Приюта в небесах ночных не изберут
 Души особенной страданья,
Нам плоть желанную полночный выдаст пруд...

О взоры мрачные, мы выследили зверя
Самовлюбленности, – так продолжайте гон!
В капканы шелковых ресниц покорно веря,
Задумчивости блеск поддерживает он.

Но зря надеетесь, что ради воли мнимой
 Зеркальный бросит он приют.
 Силки любви его убьют:
Двойник не может жить, волнами не хранимый...

РАНИМЫЙ.

Кто сказал «ранимый»?

Кто посмел

Смеяться надо мной? Не ты ли, нимфа Эхо?
Сакраментально чист скалы прибрежной мел,
Но ранят отголоски смеха.
Воскресла тишина над смолкшею водой...
Ранимый?..

Он *меня* ранимой?.. Плеск седой
Вам вторил, тростники, и ветер выл бездомный,
Пастушью жалобу гоня к пещере темной,
Где бледный голос мой вздувался тьмой и рос...
Чаруясь ветками, чураясь ранних рос,
В навесах лиственных, в сетях безвидных вздохов
Внимал я золоту провидческих всполохов...
О боги-деспоты, я здесь, я не исчез:
Моими тайнами звенит окружный лес,
Под гулкий хохот скал с деревьями я плачу,
К всевластным небесам взываю неудачу:
«Сорвите вечных чар прельстительный убор!» –
Увы, сквозь меркнувший тысячерукий бор
Сочится нежный блеск двусмысленного мига...
У холода глубин отняв обломки дня,
На дне, где демонов я ощущаю иго,
Нагого жениха он создал для меня!

Изваян из росы и пыли сребролунной,
Живет внизу близнец безропотный и юный:
С дарами к влажному тянусь я хрусталу,
Руками, зыбкими от золотистой тени,
Взываю к пленнику светящихся растений,
Раскатами имен божественных гремлю...

Пленителен твой рот в немом кощунстве
этом!

Любуюсь собственным несозданным портретом:
Ты совершеннее меня, подводный бог,
Жемчужный, шелковый от головы до ног.
Возможно ли, Нарцисс, что темнота ночная
Нас разлучит, и мы, любить лишь начиная,

Увянем надвое разрезанным плодом?
Что тяготит тебя?

Мой скорбный плач?

С трудом

Ты дышишь, – это я учу дыханью губы
Подводные, – рябит потока холст негрубый...
Ты задрожал?.. Пойми, бесплотны, точно дух,
Слова, которыми я отделил твой слух
От тяжелой памяти, – коленопреклоненный,
Так близок я к тебе, что этот лик плененный
Испил бы!.. Распростерт невольником нагим
Мой жаждущий восторг... Неузнанным, другим
Казался я себе до сей минуты властной –
Я не умел любить себя любовью страстной!
Смотреть бы на тебя, соперник нежный мой,
Обуреваемый извне сердечной тьмой,
Смотреть бы, как на лбу родится сокровенный
Огонь, как тусклый рот, очерченный изменой,
Роняет мысленный цветок, и жгут зрачки
Свершеньями! Таких сокровищ тайники
Открыл я здесь, что нимф лукавые побеги
От Пана или плоть нагая у ручья
Не привлекли меня и сотой долей неги,
Почерпнутой в тебе, непознанное Я!..

II

О зыблемая гладь студеного потока,
Ты ласкова к стадам и к людям не жестока:
Собою соблазнен, я смерть ищу в тебе,
Как в сновидении, Сестра самой Судьбе!
Но миг – и памятью становятся предвестья!
Порыв, не знающий ни чести, ни бесчестья,
Крадет небесный лик у отраженных снов.
Твой взор, подобно им, неуловимо нов!
Ты не хранишь картин, увиденных однажды:

Как стаю облаков ты провожаешь каждый
Летающий мимо год – но сколько знала ты
Бутонов розовых, и звезд, и наготы!

Взрастила опыт здесь наяда ключевая,
При встрече с веткою и тенью оживая,
Рисуя светлый день на зеркале пустом,
И невозможно ей забыть о прожитом...

Невозмутимая и мыслящая заводь,
Ты в кольцах меркнущих повелеваешь плавать
Легендам лиственным по золоту воды...
То птица упадет, то спелые плоды
Кочуют медленно навстречу донным бликам.
Увы, любовь с твоим несовместима ликом,
Здесь гибель ждет ее...

Опять с ветвей,
дрожа,

Слетает хлесткая добыча грабежа,
Багряный смерч листву свободой осчастливил:
Вдыхатель белую возлюбленную вывел,
В объятья заключив и душу, и шелка.
Ты знаешь, с нежностью какой скользит рука
По локонам густым бесценного затылка,
И крепнет, чуткая, и замирает пылко,
И говорит с плечом, и подчиняет плоть.

Отныне стиснутых зениц не исколоть
Эфиру вечному, – они темны от крови
Слепой, изнаночной, – под веками багровей
Вздымающихся тел прерывистый прибой,
Земля покорна им, но, слитые борьбой,
Искусанные рты взаимно лгут и стонут,
На ложе из песка в упругой схватке тонут
Удары грубого чудовища любви,
Ненасытимое, взывает: «Умертви...»
И кажется, одним дыханием дышат двое.

О Нимфа, лучше нас ты знаешь роковое
Значенье сладостных, но конченных минут:
Едва сердца союз блаженный разомкнут,
Как отражается в твоих глубинах злота.

Былых любовников, и начинают оба
Лелеять урожай обмана и вражды –
С такую нежностью зачатые плоды!

О мудрая волна, сестра изменниц верных,
Не зная, что любви не стало в лицемерных
Сердцах, – придут они послушать камыши
И с ними повздыхать в беспомощной тиши,
Безумцы, памятью обманчивой влекомы.

На этих берегах, где блеск неизрекомый
Полмира ослепил и ранил красотой,
Возвышенных потерь чернеет гроб пустой...
Здесь в сумраке лесном как хорошо им было!
Он этот кипарис любил, она любила!
И усыпляюще вдали шумел прилив,
А нынче, горечью пустыню населив,
Пугает запах роз, и лишь немногим слаще
Листвы сгоревшей дым в нерасторжимой чаше...

Вдыхая этот дым, не сознают они,
Что топчут ломкие потерянные дни:
Как бред, запутаны шаги таких прогулок,
И лес, как голова кружащаяся, гулок...
Убить или ласкать? – не ведает рука,
И сердце силится не лопнуть – так тонка
Надежды кожа при каждом повороте
Тропы, петляющей в захороненном гроте,
Где обитают те, кто проклял небосклон.
Их одиночества потусторонний сон
Присутствий лживую нагромождает груды,
А слуху голоса мерещатся повсюду,
И ни подобья им, ни отголоска нет, –
С давно исчезнувшим как совладеет свет?
Но стоит золото им обвести глазами,
Сухими от тоски, как тотчас же слезами
Замкнется тьма, чей блеск дороже блеска дня,
И тело скрытное, следы любви храня,
В душе, как в кладовой тоски своей бескрайней,
От поцелуйного огня пылает втайне...

И только я, Нарцисс, любим собой одним,

Не соблазнят меня другие,
Я к плоти собственной привязан, а не к ним,
В себе желанья дорогие
Таю, единственным богатством наделен:
Прекрасный в самого себя всегда влюблен...

Где баснословней вы отыщите кумира
В оправе птицами разбуженного мира,
В самоснедающем венке лесных ветвей
Где видели вы клад божественней, живей,
Чем это зеркало воды темно-зеленой,
Чья цель единая – являть мой лик влюбленный?
Нас неразлучными вечерний создал свет!
Молчи! и я смолчу, но улыбнусь в ответ.

Приветствую тебя, создание воли пленной
И чаши водяной, отъявшей полвселенной!
Увидеть жажду я, как в бездне голубой
Влечение празднует победу над собой!
Ты родственен моим желаньям сокровенным,
Венец непрочности! Но неприкосновенным
Из света соткан ты, обратный лик любви!
Не спорь и дружества любовью не зови!

Навек разлучены Наядой наши чары.
Что, кроме тщетного волненья томной пары,
Ты можешь дать взамен? Мой выбор

так ли плох? –

Себя поймать в силки, себя застать врасплох,
Тревоги врачевать взаимными руками,
Непознанные сны провидеть тайниками
Неговорящих душ и выплеснуть на плёс
Одну и ту же боль одних и тех же слёз
Из сердца, чей ледник растопится от страсти...

Молчишь! Своим чертам я приказал:

«Украсьте

Жестокое дитя!» Но ты недостижим:
Наяда радостям завидует чужим...

III

... Владычество свое осознает ли тело?
Ужели чистота над ним не тяготела?
Взгляни из глубины, наставник ложный мой:
Подводный небосклон надводной сдавлен тьмой...

Порывов траурных прохладные прикрасы,
Доверчивой души веселые гримасы,
Вы страх внушаете нагим моим губам.
Вернуться трепещу к несвойственным мольбам.
Студеной розою цветет на темной шири
Предночь...

Я люблю! Люблю!.. Но разве в мире
Иная есть любовь, чем к самому себе?
Прельстительная плоть, сообщница в борьбе
Со смертью.

Так давай вдвоем упросим Небо
Смягчиться нашею любовью и тоской
И солнце удержат над пропастью морской!..
Зиждители химер неложных и счастливых,
Велите скипетру в сапфирных переливах,
Подобно молнийным прозрениям ума,
Такой навеять сон, чтоб отступила тьма,
Чтоб дрожь преодолел, доверчив и неробок,
На ложе лиственном, с самим собой бок о бок,
Мой вожденный брат, покинув пруд ночной,
И глаз не отводил, и оставался мной,
И гладкой кожей искал лучистой встречи...
О, наконец обнять твои нагие плечи
И грудь неженскую, прекрасную, как храм
Из камня цельного, – в такой часовне сам
Молюсь я, гроздьями хмельными нечаруем.
Я жив одним твоим несатытым поцелуем!..

Не подпускает гладь к живому алтарю,
Но жадный этот рот я умиротворю!
Дрожаньем дерзостным, о поцелуй, порадуй,
Слияньем с хрупкою божественной преградой,
Разъявшей нашу плоть, и воду, и богов!..

Прощай... И у твоих плывущих берегов
Вечерних сумраков смешаются кочевья,
Слепыми ветками потянутся деревья
В испуге, что других деревьев нет уже...
Так в собственном лесу, так в собственной душе
Я, обезволенный, касаюсь тьмы вечерней...
Душа моя растет и нет ее безмерней,
И нет бессильнее: все обесцветил мрак...
Меж смертью и тобой колодца черный зрак!

О боги! Меркнет дня державного осколок –
Под своды Тартара уход бесславный долог! –
В былое канул день, в бездонное вчера!
Страдающая плоть, единой стать пора!...
Прильни к себе! Целуй! Замри от сладкой дрожи!
Любовь, которой нет бесцельней и дороже,
Уходит, надвое Нарцисса разорвав...

ГРЕБЕЦ

Склонясь над лодкою, с тобой прощаюсь, лес!
Из наблевших рук не выпускаю весел.
Еще один откос, рывком, назад отбросил,
Я знаю: реквием реки сильней небес.

Бесчувственно слежу, под мерные удары,
Как зреют на воде звенящие круги, –
О сердце черствое, разбить мне помоги
Прославленного дня ветвистые пожары!

По рощам прошлого рассеянно плыву,
По зацветающим муаровым разводам,
Морщинистую рябь гоню по темным водам,
Сминая памяти намокшую листву.

Никто, о светлый день, никто с такой любовью
Тебе ответного удара не нанес, –
Но солнце вырвало меня из детских грез,
Я к безымянному с тех пор плыву верховью.

Русалка заводей лесных, напрасно ты
Сжимаешь грудь мою в объятиях природы:
Я невод разорву серебрянобородый,
Уйду от ледяной щемащей наготы.

Неясный шум воды, как шелковистый полог,
Мои завесил дни, мой золоченый труд.
Я знаю: торжество старинное сотрут
Течения, чей плеск однообразно долгот.

Вдали встают мостов покатые быки:
Там камень кольчатый нависнет, обступая,
Там скукой сквозняков придавит ночь слепая,
Но кости лобные надменны и крепки.

Не скоро день. Душа, готовая к любому
Обману темноты, не подымает век.
По воле чутких солнц уверенный разбег
Несет меня назло бесплодью голубому.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ



ЖЕСТОКАЯ ПТИЦА

Всю ночь я тщетно рвался из когтей
Жестокой птицы, замерев на пике
Восторга, чуя нежность в каждом крике –
До самых звезд, ночных ее гостей.

Ты душу проникал судьбы лютей,
О голос взора, голос безъязыкий, –
Пространство в пепел обратя безликий,
С приходом утра не осиротей!..

Портрет младенца-дня рассветом начат,
Но безразличны мне его черты,
Еще один, что для меня от значит,

Покуда в нем не воплотилась ты!..
Душа, не пережив огня дневного,
К желанной ночи возвратится снова.

РАВНОДЕНСТВИЕ

Элегия

*To look ...**

Я стал другим... Зачем и кто меня здесь бросил?
Листва деревьев тяжела.
Мой молчаливый лес навек обесголосел,
Сивилла прежде в нем жила.

Кто убаюкает ее теперь, чьи руки? –
Душа хоралом ключевым
Кипела в омуте, пока не стали звуки
Для птиц провалом гробовым.

На пепельном песке оставлены потомкам
Воспоминанья берегов;
Живым в загробный мир спускаюсь по обломкам
Давно изношенных шагов.

Психею потеряв без нити путеводной,
Смотрю, как в пропасти морской
Всплывают пузырьки ее гробницы водной,
Туманя ласковый покой.

Простив сама себя, Она уступит бледной
Покорности закрытых век.
Уходит, верная, покинув мой бесследный,
Мой неодушевленный век.

А сердце все стучит, и стук подобен крику:
Пускай ее мне не вернуть,
У Персефоны я отспорю Эвридику,
Змеей ужаленную в грудь.

* Взглянуть... (англ.)

О солнце, тусклый страж кружащегося года,
В печаль влюбленное давно,
К забвенным берегам, откуда нет исхода,
Ты нежностью привлечено.

Свобода осени, раскованной простором,
Прозрачный, одинокий лес.
Мне стал понятен мир вчерашний, о котором
Одно известно: он исчез.

Под взглядом каменным едва ли ты постигла
Жестокость кратких «почему!» –
Стеною между мной и мной другим воздвигла
Ты содрогнувшуюся тьму...

Какие пропасти небытия повинны,
Что вечность сократилась вдруг?..
Опавший лист летит и на две половины
Годичный рассекает круг.

Покуда осень ваш пожар не укротила,
Кружитесь, хрупкие листья!
Последняя стрела поблекшего светила,
Меня, пронзив, разбудишь ты.

Осенний день листву развеял огневую
По склонам, по лесам пустым, –
Не странно ли, что я без страха существую
Под этим смерчем золотым!

«ВЕРХОВНОМУ» БУКУ

Почтенный бук, гордился ты
Своим шатром великолепным,
Но казнь с холодной высоты
Нисходит к листьям раболепным.

И, призванная вороньём,
Зима кору с тебя сдирает,
В костре разметанном твоём
Могильный ветер замирает.

Не пристанью для вечных звезд –
Пустою башнею дозорной
Стоишь, и среди редких гнезд
Мой взор блуждает беспризорный.

Сквозь стекла лживые смотрю
На мох, где были семьи птичьи,
И поверяю декабрю
Надежд безвыходных величье.

Но знай, декабрьский тусклый свет, –
Снедая собственную скуку,
Меня не убедишь ты – нет! –
«Верховному» не верить буку.

О Франция, ужель пора
Прекрасному лежать в могиле? –
Еще с ветвей нагих ветра
Гнездо последнее не сбили!

Придет весна, и воспоют
Дрозды осанну дням священным:
В листве зеленой твой приют,
Язык, спасенный под Верденом!

День поминовения усопших, 1917 г.

ФИЛОСОФ И ЮНАЯ ПАРКА

Философ тронут был визитом Юной Парки.
«Ах, наконец-то разум яркий, –
С порога начала она, –
Просветит суть мою до дна.
Я людям часто непонятна:
Работа мысли неприятна
Для большинства, и большинство,
Как смерти, имени боится моего.
Иные снизойдут, иные гонят гневно:
Не всякий книгочей меня
Терпеть согласен каждодневно –
В замысловатости вина,
Они поставили задачу перед музой
Не стать художнику обузой,
Как роза, счастье раздавать в тиши,
Но разве сердцу не дороже радость,
Добытая раденьями души,
Терпеньем нажитая сладость?
Мечтателя не веселят
Ни поцелуй, ни беглый взгляд:
Творцу не по душе случайная подруга.
Терзаньями любовь он до небес вознес,
Он смотрит на нее сквозь жемчуг слез,
Сквозь радужную тьму сердечного недуга.
Вот почему порой я прячу тайны грез,
Мой пояс девственный, прельщающий всерьез,
Для вас, влюбленные, завязан слишком туго.
Не всем наградою за труд достанусь я,
Так завещал Отец: загадочность моя
Хозяйкой сделала меня судьбы безгрешной:
Как трепетная тень, мечусь над неутешной
Любовью, не спеша поднять ее с колен.
Я, без сомненья, плод тоски необычайной,

Из чуждой тишины – к стихам стезя прямая.
Откройте же в себе темнот моих миры!
Из вас я извлекла неясность, что терзает
Любого, кто извне увидеть не дерзает
К душевным пропастям предсмертную тропу, –
 Там Парка мыслью осязает
 Мечтательную скорлупу.
Любите же меня! "Черна я, но красива".* –
 Так в Песне Песней нестыдливо
Клялась влюбленная в монарха своего.
 Я не кумир, не божество.
Поэма трудная, за тайну не в ответе.
 Закройте книгу, разорвите сети.
 Так очевидны строки эти,
Что видишь в них себя и больше ничего.»

* Песня Песней Соломона (1 : 4)

РАССЕЯННАЯ

О соблаговоли, Лаура, в этот серый
Дождливый день, когда для нас пустеют скверы,
И к моему плечу надушенной щекой
Ты прижимаешься, а взор твой колдовской
Блуждает в небесах, не замечая блеска
Необойденных луж, не различая плеска...
О соблаговоли спуститься с высоты –
Подумай, что сейчас наговорила ты!

СНЕГ

В рассветной тишине протяжный скрип лопаты!..

Проснулся, а в окне – отбеленные скаты.
Слепящий этот снег как будто ждал меня,
Он в комнату проник холодным блеском дня,
Невинной белизной равнин обледенелых,
Пустых, пугающих! Ах, сколько хлопьев белых
Нападало, пока я странствовал вдали
От заколдованной невидимой земли,
Чей выросший простор бесшумно слился с небом.
Приметы милые полочным стерты снегом.
Кругом безгласная, безлика страна,
Но кровля красная по-прежнему видна,
И жизнь уютная в безмолвье различима
По струйке теплого обыденного дыма.

СОДЕРЖАНИЕ

"Стертая прелесть старины"	3
Из "Альбома старых стихов"	
Пряха	7
Орфей	8
Рождение Венеры	9
Феерия	10
Та же Феерия	11
Купальщица	12
Спящая красавица	13
Кесарь	14
Призрачные танцовщицы	15
Отчетливый огонь	16
Нарцисс говорит	17
Эпизод	19
Зримое	20
Вальвены	21
Щедрость вечера	22
Анна	26
Ария Семирамиды	28
Юная парка	35
Из сборника "Чарования"	
Пояс	53
Спящая	54
Фрагменты Нарцисса	55
Гребец	65
Разные стихотворения	
Жестокая птица	69
Равноденствие	70
"Верховному" буку	72
Филосов и Юная Парка	74
Рассеянная	77
Снег	78

Тираж 10 000
Ответственный за выпуск Москвин В.А.

"Русский путь"
ВТИ. Зак. 9710

